

автор ряда философских сочинений, в которых предпринята попытка специфически трактовать немецкий идеализм и религию. В своих трудах Ф.Бохвиц часто высказывал идеи, неадекватные гегелевской интерпретации философии религии.

Таким образом, основные философские идеи представителей немецкого идеализма в XIX веке нашли творческое отражение в среде интеллектуалов Литвы и Беларуси. Все это способствовало развитию философской мысли в восточно-европейском регионе.

Литература:

1. Abicht, I. Initia philosophiae proprie sic dictae / I. Abicht. – Vilnae, 1814.
2. Angiolini, J. Institutiones Philosophicae. Ad usum Studiosorum Academiae Polocensis / J. Angiolini. – Polociae, 1819.
3. Buczyński, V. Institutiones Philosophicae / V. Buczyński. – Pars Prima. Viennae, 1843.
4. Dowgird, A. Wykład przyrodzonych myślenia prawideł, czyli logika teoretyczna i praktyczna / A. Dowgird. – Połock, 1828.
5. См.: Шалькевіч, В.Ф. Філасофія Канта ў Беларусі ў першай трэці XX ст. / В.Ф. Шалькевіч // Веснік БДУ. Серыя 3. – 1993. – № 3.
6. См: Tatarkiewicz, W. Historia filizofii / W. Tatarkiewicz. – Warszawa, 1993. – Т. 2. – 186 s.; Filozofia polska. – Warszawa, 1967. – S. 179-194; Szacki, J. Śniadecki Jan / J. Szacki // Filozofia w Polsce. Słownik pisarzy. – Wrocław, 1971. – 393 s.

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ОБОСНОВАНИЕ КЛАССИЧЕСКОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ В ФИЛОСОФИИ Р. ДЕКАРТА

И.И. Лещинская, г. Минск, Беларусь

Становление и развитие европейской классической рациональности можно представить как процесс обоснования в контексте наиболее значимых систем философской классики идеи непогрешимости и могущества человеческого разума в деле познания и преобразования мира. Особый вклад в это предприятие был внесен крупнейшим мыслителем XVII века Р. Декартом, поскольку именно в его философии впервые были выработаны новые онтологические основания и гносеологические принципы, без которых немислимо было утверждение научной рациональности, и явившейся сущностным воплощением классического типа рациональности.

С полным основанием можно утверждать, что первое и основное положение картезианской метафизики «*cogito ergo sum*» уже имманентно содержало в себе основные принципы этой парадигмы. Во-первых, она артикулировала идею рациональной организованности сущего, которая и была воспринята в качестве основного постулата европейской классики. Картезианский принцип *cogito* имел своим прямым следствием

беспрецедентное возвышение разума посредством обоснования его в качестве единственного «законодателя», задающего меру всему существующему. Открытое Р. Декартом рефлексивное измерение сознания позволило обнаружить в самом мышлении и предмет познания (врожденные идеи), и истинный познавательный метод, в качестве правил которого были проинтерпретированы закона деятельности самого разума. Более того, мышление было представлено как единственное и надежное основание всякой достоверности, критериями которой выступили ясность и отчетливость воспринятых им идей. Эта автономность и самозаконность разума явились манифестацией суверенности субъекта и его безграничных возможностей.

Во-вторых, позиционируемый Картезием гносеологический эгоцентризм явился также результатом реализации весьма смелой и новаторской для того времени идеи, а именно мысленного эксперимента, объектом которого также явилось сознание и его содержание. Сущностью этого мысленного эксперимента выступил принцип радикального сомнения. С его помощью, по мнению Декарта, может быть и должно обнаружено первое несомненное положение всей философии, которая вполне закономерно была проинтерпретирована им как единая и логически строгая система знаний о мире в целом, и заявлена в качестве «универсальной математики» [1]

Согласно, Р. Декарту, достоверность философии, адекватная математической истине, может быть достигнута только при строгом следовании познающим субъектом определенных условий, поскольку «богом не обманщиком» гарантировалась только возможность таковой. В качестве первого и важнейшего из таких условий французским мыслителем была определена необходимость испытания всего содержания сознания на прочность и достоверность посредством сомнения. Вместе с тем, следует отметить, что принцип радикального сомнения Декарта – это не просто транскрипция традиции европейского скептицизма в контексте новоевропейской культуры, а одно из важных свидетельств коренного сдвига в самосознании эпохи. Осуществленная радикализация и методологизация сомнения, позволили мыслителю придать этой процедуре статус одного из фундаментальных принципов истинного познания, который впоследствии был закреплен в качестве важнейшей нормы этоса европейской науки.

Вторым, но не менее значимым условием достоверности явилась необходимость строгого следования познающим разумом методу. Культ разума в новоевропейской философии – это, прежде всего, культ методично мыслящего разума. Мышление, очищенное от всех чувственных образов и субъективных впечатлений, и вооруженное истинным методом, по сути дела репрезентировало собой эталон нового

типа мышления, а именно, научного мышления в противоположность обыденному познанию, отягощенному стихийной чувственностью и образностью. Методически дисциплинированное мышление – это то, что позволило акт открытия истины, по своему характеру единичный и во многом случайный, превратить в процесс ее массового производства, поскольку научный метод и явил собой эффективную технологию ее получения. Это обстоятельство позволяет показать неразрывную связь идею науки как сферы производства знаний с картезианской идеей метода.

Идея метода также имманентно содержала такую фундаментальную интенцию европейской классики как идея прогресса, причем во всех его проекциях. Столь напряженно обсуждаемая проблема метода была не только проблемой усовершенствования возможностей разума как высшей и сущностной способности человека, но в равной степени идеей облагораживания его естественной природы (тема разумного обуздания страстей и обретения свободы путем познания) и, соответственно, идеей возможности бесконечного совершенствования общества в деле достижения совместного благоденствия. В силу этого «прогресс истины», обеспеченный методично функционирующим разумом и представлял собой «истину прогресса».

Формула «*cogito ergo sum*» заключала в себе не только осуществленную философией репрезентацию человека в качестве субъекта, удостоверяющего свое бытие исключительно актом «Я мыслю», но и обоснование необходимости и возможности замещения реального мира как объекта познания «картиной мира» [2, с.49]. Созданная посредством целенаправленной и методичной редукции всего многообразия действительности к тем свойствам, которые могли быть зафиксированы с помощью познавательных средств субъекта, «картина мира» явилась, по сути, коррелятом сознания, ибо она конструировалась исключительно по законам его деятельности. Осуществленная Декартом рационализация мира посредством его математизации не просто разрушила иерархическую онтологию схоластов и обосновала идею мира как единого и целостного механизма, но и позволила продемонстрировать и апробировать идею универсальности его законов. В картезианской философии была выстроена своего рода «научная онтология», репрезентирующая собой царство «чистой объективности», в которой мир как объект познания избавлен от субъективных, функционально-релятивных интенций познающего индивида. Эта новая онтология стала наглядным выражением идеи совпадения логического и онтологического, тождество *cogito* и *sum*, идеи, которая и выступила в качестве метафизического основания основополагающего принципа классической рациональности – принципа познаваемости мира, его соразмерности

субъекту, конгруэнтности его структуры познающим способностям последнего.

Таким образом, комплекс идей, разработанных Декартом – это метафизическое пространство кристаллизации классической рациональности. Выработанные философской рефлексией французского мыслителя принципы были восприняты европейской культурой в качестве всеобщих и абсолютных ее оснований. Проект, созданный этим мыслителем, получил дальнейшее развитие и воплощение. Важнейшими вехами этого процесса стали философские системы И. Канта и Ф. Гегеля. *Cogito* Декарта, трансцендентальный субъект И. Канта и абсолютная идея Ф. Гегеля – это не только ключевые моменты в развитии европейской философии, но и своего рода этапы перманентного расширения и неуклонного возвышения Разума в контексте европейской культуры. Фундаментальные установки картезианского рационализма достигли максимального выражения в панлогизме Ф. Гегеля, картезианское *cogito* обрело форму тотальности и предстало как безличный и надличный абсолют. В результате исходный принцип европейской классики был доведен до логического предела и с необходимостью вызвал к жизни свою противоположность. «Триумфальное» шествие рационализма завершилось возникновением во второй половине XIX века философского иррационализма, основной целью которого стали низложение *cogito* и реабилитация *sint* в различных версиях, что означало кризис классической рациональности и классической европейской культуры в целом.

Литература:

1. Декарт, Р. Первоначала философии / Р. Декарт // Сочинения: в 2 т. – Т. 1. – М., Мысль, 1989.
2. Хайдеггер, М. Время картины мира / М. Хайдеггер // Время и бытие: Статьи и выступления. – М.: Республика, 1993.

ЦЕННОСТНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

Т. П. Лищук-Торчинская, г. Киев, Украина

История как прошлое имеет ценность, поскольку она содержится в нашем опыте – непосредственно (как «живая память»), или опосредованно (вследствие ознакомления с профессиональной историографией) и в значительной мере определяет наши поступки и отношения. Но вопрос о ценностном измерении истории как прошлого, и, как следствие – исторической науки – на самом деле не имеет простых решений. В разные исторические периоды на него мы получаем противоречивые ответы: от усмотрения наивысшей ценности истории в способности быть «учителем жизни» (Цицерон) до утверждения ошибочности употребления термина «мировая история» и вывода «История смысла не имеет» (Карл Поппер). Вопрос, который был вынесен Ф. Ницше в заглавие его работы – «О пользе